

Светлана ВОЛЫНКИНА

ДОБРОЕ УТРО, КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА!

Р а с с к а з

Светлана Волынкина живет в Новосибирске и учится на втором курсе заочного отделения Литературного института в моем семинаре. По нынешним меркам она довольно поздно входит в литературный мир, но это ничего не значит. Ее рассказ отличает прекрасное интонационное оформление, а интонация для прозы даже важнее, чем для поэзии. Стихи держат рифму и размер. Проза, если она лишена внутренней интонации, не звучит никак. Светлана Волынкина свою интонацию держать умеет.

Это очень женский рассказ. Ироничный и грустный одновременно. Уже немолодая женщина ищет себя в этом мире. Оставил муж, а любовник не хочет уходить от жены. Обыкновенная история. Но именно в этой ее обыкновенности есть какая-то глубокая человеческая и чисто женская правда. Я думаю, этот рассказ полезно прочитать как раз мужчинам. Чтобы понять нюансы женской психологии, которые нам, мужчинам, возможно, покажутся мелкими и смешными, но в мужском мире мелкого и смешного ничуть не меньше. Этот рассказ — своего рода психотерапевтический сеанс для обоих полов, недаром его главная героиня — психотерапевт.

Павел БАСИНСКИЙ

Светлой памяти моего отца
Виктора Григорьевича Волынкина

Вера всю жизнь хотела завести домашнее животное. Сначала за-прещали родители. Потом — комендант в университетском общежитии. Затем — ее собственный муж. Спрашивал: «Как в случае развода мы будем его делить? К жене и то прикипаешь, а уж к собаке — тем более». Накаркал. Кстати, Вера до сих пор не понимала, почему он именно собаку имел в виду.

Когда Вера в сорок два года обрела независимость и отдельную квартиру, у нее наконец появился питомец. Как-то, раскрыв утром

икеевские шторы, она обнаружила за стеклом затейливую паутину, а на ней — большого паука, белого в розовую крапинку. В том, что это был паук, а не паучиха, Вера не сомневалась. Она всегда лучше ладила с мужчинами, нежели с женщинами. Эту особенность муж ей и не простил — когда обнаружил ее двухлетний роман с клиентом. Вера считала, что то была божественная любовь и не ее вина, что Вселенная не выбирает, чьи души одаривать. Социальная роль, которую играет человек, во внимание провидением не берется. Но попробуйте растолковать это человеку, с которым прожили двадцать лет...

Паук неторопливо плел сеть и ловил туда зазевавшихся мух.

Вера забила в поиске: «Паук за окном. Приметы».

Яндекс заботливо выдал: «В древности пауков считали собаками домового. Чем их больше, тем сильнее защита и опека этого древнего хранителя человеческого жилища».

Неплохо. Что еще?

Исполнение желаний. Материальное благополучие. Судьбоносная встреча. Антисанитария.

Вера выбрала первые три приметы и засобиравалась на работу. Новую. С прошлой ее с позором уволили, потому что жена Вериного «божественного» любовника накатала жалобу вышестоящему начальству о ее профнепригодности. Вера была психотерапевтом, а Василий с Галиной посещали ее сеансы для спасения брака.

Когда Галина растрезвонила повсюду о Верином романе с Василием, Верин муж Миша, сотрудник Института ядерной физики, узнал обо всем последним. Миша был идеальным мужчиной с единственным недостатком: он был идеальным мужчиной. Недолго думая, он подал на развод, разменял огромную общую квартиру и, задействовав какие-то свои связи, спас лицензию бывшей жены — «по старой дружбе, не чужие ведь люди», — с условием строгого запрета на дальнейшие встречи с незадавшимся клиентом. Вера обещала. Тем более что выполнить обещание было несложно: Василий под конвоем супруги отбыл на Бали зализывать последней душевные раны.

Вера устроилась психологом в частную школу и жила дальше одна.

Она открыла шкаф и медленно провела рукой по своим брендовым пиджакам: на кого теперь производить впечатление — на детишек богатых родителей? Надела простые джинсы и блузку в красный горох. Замазала мешки под глазами. Все-таки лучше выспаться, а то и паук сбежит. Накрасила губы ягодной помадой. Выбор помады — целое искусство. Можно что угодно простить женщине, но только не безвкусную, дешевую помаду. А еще важен ее цвет. Здесь у Веры был свой список примет со стопроцентной исполняемостью.

Если ваша помада темно-бордовая — визажисты называют этот цвет «марсала», — вас ждет деловая встреча. Глубокая розовая, похожая на жемчужный румянец, — весь день будет прекрасное настроение. Теплая, коричневая, как карамель, — поцелуй. Наконец, яркая красная, клубничная — сами знаете что. Ягодная сулила судьбоносную встречу.

А так как Вера пользовалась ею каждый день, то из этих встреч и состояла ее насыщенная, интересная жизнь.

«Состояла, — подумала Вера. — Теперь придется затянуть поясок и проводить тесты с ошалелыми школьниками. Боже, ну за что?!»

Впрочем, отчаиваться Вера не умела. Поэтому, остановив выбор на белых кедах в тон блузке (предварительно три раза сменив кеды на шпильки и наоборот), Вера взяла сумку и направилась к выходу.

Минут двадцать она заводила машину. Машина не слушалась. Поворачивая ключ зажигания, Вера нажимала на педаль, но ее боевая подруга лишь жалобно скулила. В чем проблема? На улице сентябрь, аккумулятор вряд ли разрядился при такой температуре...

Вера по привычке набрала Мишу:

— Миш, машина не заводится.

— Ты забыла, я теперь не твой муж.

— Миш, ну по старой дружбе...

— Ваське позвони.

— Ты же сам запретил.

— А тебя это когда останавливало?

Гудки.

— Черт!..

Удивительно, но Миша как-то спокойно воспринял развод. Не бил посуду. Не уходил из дома. Просто лег в зале и сказал: «Поговорим утром». Вот где страсть и чувства?! Неужели ему было совсем все равно? Вера всю ночь не спала. А ему — хоть бы что! Через десять минут она услышала за стенкой смачный храп. Вера на цыпочках пробралась к мужу и накрыла его одеялом. Не чужие ведь люди.

Время предательски приближалось к восьми. Первый день на новой работе начнется с опоздания. Да чтоб тебя! Вера хлопнула дверью машины и направилась в школу пешком, благо, если идти быстрым шагом, до той всего тридцать минут. Все-таки хорошо, что надела кеды. Похоже, Вселенная заранее знала, как лучше.

Вера шла бодро. Проходя через красивый парк, она вдохнула полной грудью. Как хорошо! Воздух пах утром. То еле уловимое ощущение, которое обязательно рассеется, стоит лишь солнцу подняться выше. Прохожие сновали туда-сюда, кто с бумажным стаканчиком кофе, кто с портфелем за спиной, а кто и с двумя увесистыми сумками прямо спозаранку.

— Доброе утро, красивая женщина!

Вера вздрогнула. Рядом никого не было. Точнее, навстречу шел старичок, улыбающийся светло и доброжелательно. Он слегка подволакивал правую ногу. Ступня была вывернута влево, и дедушка как бы тащил ее, безвольную, за собой. При этом он ступал уверенно, помогая себе тростью. Одет был строго и, можно сказать, импозантно.

Вера вскинула руку и весело помахала ему в ответ, как старому доброму знакомому. Она производила впечатление на мужчин любого

возраста, уж этого у нее было не отнять. Даже четырехлетний сосед делился с ней жвачкой.

Потянулись однообразные будни. Работа в школе Веру абсолютно не вдохновляла. Скучные тесты, наглые дети, ничем не примечательные коллеги. Возвращаясь вечером в пустую квартиру, Вера плюхалась на диван и ловила себя на мысли, что она на полпути к отчаянию. Миши стало не хватать. Его чашки кофе с мандаринкой на десерт. Вкусного ужина. Вера терпеть не могла готовить, и сейчас в холодильнике у нее грустили заплесневелый кусок сыра и три яйца. На попытки связаться Миша реагировал вежливо, но отстраненно. В основном общался по поводу сына, пожелавшего остаться с отцом (даже матерью Вера оказалась никудышной). А на СМС с разными «прости» и «скучаю» просто не отвечал.

Одно лишь обстоятельство наполняло Веру теплом — импозантный пожилой мужчина, которого она встречала в одно и то же время и который, с приветливой улыбкой снимая шляпу, неизменно говорил: «Доброе утро, красивая женщина!» Это был своеобразный ритуал, позволявший Вере держаться на плаву.

Золотая осень подошла к концу — и внезапно, как часто бывает в Сибири, нагрелась зима. И хотя на календаре красным по белому было написано: «Октябрь», прилипшие к ногам капроновые колготки красноречиво свидетельствовали — температура ниже нуля.

Вера с тревогой смотрела на паука: интересно, где он будет зимовать? Она подумывала запустить его в дом, чтобы самой не завывать от тоски. Все-таки какая-никакая, а живая душа.

...В тот день Веру отправили на коммуникативный тренинг в другую школу. Вера села в машину, и та снова не завелась. До зарплаты было еще несколько дней, поэтому, проверив баланс в банковском приложении, Вера поплелась на автобусную остановку вместо того, чтобы вызвать такси. Есть огромный плюс в том, чтобы жить на конечной — можно сесть в автобусе, что Вера с большим удовольствием и сделала. И сразу открыла новостную ленту в телефоне.

На следующей остановке в салон зашла сгорбленная старушонка. Она была такая маленькая и так смешно жамкала ртом, когда пробиралась среди людей поближе к водителю, что вызывала умиление. Остановившись возле Веры, бабуля поставила ей под ноги два больших пакета. Вере было жутко лень вставать, но совесть, которая неожиданно у нее обнаружилась, не позволяла игнорировать пожилую женщину.

— Бабуля, присаживайтесь, — сказала Вера.

— Э-э, спасибо тебе, милочка, я с удовольствием! — Старушка лихо забралась на освободившееся место. — Подкинь-ка мои сумки, дочка.

Вера взяла пакеты и поставила их рядом с бабулей. Затем взялась за автобусную петлю, чтобы не упасть, и хмуρο уставилась в окно.

Бабуля ухмылялась, демонстрируя пару гнилых зубов.

— Ты ладная деваха, — вдруг прошамкала она, — но рот-то не разевай, воришки здесь лазают! Ну а что поделаешь, у каждого своя работа.

Вера огляделась, открыла сумку и нащупала кошелек и телефон. В кошельке лежала последняя тысяча рублей и банковские карты. И того и другого было жалко.

— Давай сюда свой багаж. — Бабуля, не дожидаясь Вериного согласия, взяла ее фирменную сумку — последний подарок Миши. — Я как-то раз решила подшутить над карманниками. Купила такие купюры, ну которые для розыгрыша, и запихнула в кошелек. А кошелек пришила к сумке на самое видное место. Домой приезжаю — нет денег. Аха-а-а, то-то же! — Старуха засмеялась, и Вера почувствовала несвежий запах у нее изо рта. — Но потом стало как-то неудобно — не люди они, что ли? Я положила им в следующий раз сто рублей и пачку презервативов, а внутрь пачки — бумажку и написала там: «Трахайтесь на здоровье!» Аха-хах-ха! — Здесь уже смеялся весь автобус, включая Веру.

— А ты, дочка, не переживай. Все у тебя будет прекрасно, чувствую я. Энергия у тебя хорошая.

— Спасибо вам. Я на следующей выхожу. — Вера забрала сумку и направилась к выходу.

Возвращаясь вечером с тренинга, она заскочила в магазин. Посчитав на калькуляторе в телефоне, что такого можно позволить себе купить на тысячу рублей, чтобы еды хватило до зарплаты, направилась к кассе. Открыла кошелек и обнаружила там пятитысячную купюру. Она подняла ее, посмотрела на свет, начала разглядывать со всех сторон... Кассир поинтересовался, долго ли она собирается задерживать очередь. Вера подала деньги.

— Настоящая купюра? — спросила она.

Кассир посмотрел на нее удивленно, выбил чек и предложил еще прийти за покупками.

Добравшись до дома, Вера увидела у подъезда Василия, докуривавшего, судя по валявшимся у его ног бычкам, уже третью сигарету.

* * *

— Ты его не впустила, надеюсь? — шипела на следующий день Светка в телефон.

— Впустила, конечно, это ведь элементарные правила вежливости...

— Можно подумать, очень вежливо с его стороны два года пудрить всем мозг! Тебя из-за него уволили!

— Ну не из-за него, а из-за его жены. Она ведь пожаловалась.

— Боже мой, — простонала Светка, — жизнь тебя не учит. Отберут же лицензию! Хочешь без работы остаться?

— Никто не узнает.

— Я знаю.

— Ну да. Значит, все знают.

— Я вообще-то по делу звоню. Вчера в «Бирмане» Мишка с бабой какой-то сидел. Сразу говорю — ты лучше. Но она тоже ничего. Хоть грудь и не своя, зато красиво.

— Спасибо за информацию. Ну, он свободный мужчина теперь.

— Вер, перестань, а? Мне-то уж не говори! Он же спит и видит, что ты его позовешь обратно.

— Он сам ушел.

— Конечно, ушел! Потому что уважает себя. Ладно, я тебе сейчас фото пришлю.

— Какое?

— Ну, тетки этой с Мишкой.

— Свет, не надо.

— Все, целую!

Вера положила телефон рядом с чашкой кофе и уткнулась в рабочий монитор. Телефон тут же оповестил о сообщении. Вера только глянула на экран и увидела прикрепленное фото от Светки. Открыла. Улыбка эффектной блондинки обещала райские кущи. Ну и ладно. Пусть и Мише будет хорошо. Вера поморщилась, удалила фотографию и открыла отчетную таблицу.

Телефон снова пропищал. Абонент с именем «Не брать трубку» прислал фотографию с букетом цветов. Вот он, век электронных технологий! Теперь мужчины не утруждают себя настоящими букетами и шлют вместо них картинки.

— Вера Павловна, к вам курьер, — завистливо прошептала методист мышинового вида, первый раз в жизни видящая такое количество роз.

Вера взяла букет и первым делом проверила наличие записки. Ее не оказалось. Но телефон выдал новое сообщение от «Не брать трубку»: «Я все сказал вчера, жду ответ».

— Поклонник? — спросила методист, уронив печенье на свою затрапезную блузку.

— Ага. Сэлинджера.

На самом деле Василий был далек от американской литературы. Впрочем, как и от всякой другой. Он владел станцией технического обслуживания автомобилей (подаренной ему тестем), куда загонял подержанные машины и продавал их, слегка подлатанные тут и там, но часто с нерабочим двигателем. С каждой продажи он получал свои тридцать-сорок процентов. Одним словом — перекуп.

Иной раз Вере хотелось исправить орфографию в сообщениях любовника и заставить его делать работу над ошибками. Однако при личных встречах неграмотность Василия быстро нивелировалась, настолько он был харизматичен: говорил и делал ровно то, что хочет женщина, как по учебнику психологии.

После работы Вера отправилась прогуляться пешком. Вставила в уши наушники и включила музыку на полную громкость. Ей казалось, что судьбоносные решения необходимо принимать вот так — разбирая каждую деталь. Сегодня она будет думать о том,

как это — быть просто женой любимого мужчины. Без работы, без перспектив, без собственных денег, в конце концов. А может, ей выучиться с нуля на кого-нибудь еще? Готова ли она похоронить весь свой опыт и стаж ради любви? Мысли скакали и не хотели останавливаться, как щенки, почуявшие вкус жизни. Вся ее психологическая практика была бесполезна: невозможно помочь самой себе. Только и оставалось, что идти к другому психотерапевту. Но, как говорится, стоящий специалист денег стоит... Круг замкнулся.

На следующее утро Вера нарисовала губы алой помадой и пошла на работу — писать заявление на отпуск без содержания. Идея абсолютно дикая — в октября месяце, в школе, — но другого выхода для себя психотерапевт с пятнадцатилетним стажем не нашла.

— Доброе утро, красивая женщина! — Ей снова улыбнулся импозантный мужчина с элегантной тростью.

Вера по привычке помахала ему. Что-то в его облике сегодня изменилось. Как будто походка стала тяжелее, а нога совсем перестала слушаться. Но старик (который наверняка глубоко оскорбился бы такому определению) вида не подавал и гордо продолжал свою ежедневную прогулку.

— Отпуск? Вы в своем уме? — Директор школы воззрился на Веру с возмущением. — У нас комиссия на следующей неделе!

— По семейным обстоятельствам.

— У вас кто-то умер?

Вера отрицательно повертела головой.

— Тогда и речи быть не может. — Директор достал из выдвижного ящика договор, демонстративно его пролистал и продолжил: — Вы устроились к нам в прошлом месяце. И, помнится мне, не без шероховатостей.

— На неделю.

— Нет.

— На три дня, пожалуйста! Возьму четверг, пятницу и понедельник.

Директор шумно вдохнул, повертел туда-сюда свой «паркер» и посмотрел на Веру. Взгляд не предвещал ничего хорошего.

— А впрочем, почему бы и нет? За свой счет, разумеется. По возвращении возьмете на себя еще девятые классы.

— Хорошо, — сказала Вера и ужаснулась своим словам.

Но ненадолго. Она вприпрыжку бежала домой, думая, какой кушачик подойдет. Может, желтый в полоску? Нет, слишком просто. Розовый в пальмовых листьях? Это чересчур. Фиолетовый? Да! Надо добавить к нему тунику и забежать в магазин за новыми сланцами, белые совсем не в тему.

— Миш, можно Саша на выходных у тебя останется?

— Вообще-то у меня уже планы.

«С блондинкой?» — хотела спросить Вера, но вежливо промолчала.

— Что там у тебя опять случилось? — спросил Миша.

— Работы много, не могу войти в режим.

— Ладно, пусть на этих остается, сходим с ним в спортклуб.

— Миш, спасибо!

Гудки. Вот он всегда так — уходит по-английски. Ни тебе «до свидания», ни «приятного вечера».

Вера улетела с Василием на остров Корфу. Они рисовали на песке две буквы «В» и купались до изнеможения. А потом в новостных сводках журналисты писали о том, что местные жители возмущены безнравственным поведением туристов, нарушающих заведенный на пляже порядок. Возмущены и терзаемы желанием оказаться на их месте.

* * *

Все закончилось очень быстро. Так всегда происходит, когда очень сильно боишься кого-то потерять. Василий с невозмутимым видом сказал, что именно сейчас он не готов разводиться, но вот в следующем году, когда они решат вопрос с жилплощадью, — непременно. Вера вернулась на работу, чтобы забрать оттуда трудовую книжку. Миша сказал, что теперь ничем помочь не может и что она круглая дура. Импозантный мужчина с тростью куда-то исчез. Может, и к лучшему: вряд ли ее теперь можно было назвать красивой женщиной. С определенного возраста бессонные ночи в слезах оставляют на лице неизгладимые следы. Даже паук не захотел к ней переселяться на зиму — плюнул на свою паутину и затаился в щелях между рамами.

Но и на этом череда неприятностей не закончилась. Прождав две недели после обведенного в календаре кружочка, Вера скрепя сердце заставила себя купить тест на беременность, который, абсолютно не удивив ее, оказался положительным. С этого момента покой и радость надолго покинули Верину жизнь. Ребенок? В сорок два года? Без мужа? Без лицензии? Ответ напрашивался сам собой — аборт. Но Вера была категорически против.

Она горько усмехнулась. Положа руку на сердце, у нее на аборт и денег не было. Просить нужную сумму у бывшего мужа было ниже даже того дна, на котором Вера очутилась. В голову ей пришла поговорка про саночки: любишь кататься... Но глагол напрашивался другой. Мужчина всей ее жизни снова был в черном списке. Хотелось бы думать, что он без нее прозябал, но нет — у него все было прекрасно, Вера в этом не сомневалась. Сообщать ему о беременности ей не позволяла гордость. Впустить в дом — позволяла, а говорить о ребенке — не позволяла. Вот такой женский парадокс.

Высыпав на лицо ведерко льда, которого в морозилке всегда было с избытком, и приведя себя в порядок, Вера засобиравалась на прогулку. Составлять план действий. Точнее — план по спасению утопающих. Она считала, что, имея четкое руководство, сможет вытеснить из своей жизни хаос и структурировать ее.

Чем дальше Вера шла, тем злее становилась, тем бодрее был ее шаг. В чем, в конце концов, она виновата? В том, что любовь

зла? В том, что она, как дура, поверила в возможность пушистого розового счастья? В том, что она дала шанс порядочному человеку найти свою любовь и быть любимым? Под порядочным человеком Вера имела в виду Мишу, который взял на себя все заботы о воспитании сына и окончательно разорвал с ней всякое общение после ее отпуска на Корфу.

Вера села на лавочку и достала телефон. На экран падали редкие ноябрьские снежинки и тут же изумленно таяли. Вера открыла заметки и написала: «План». Потом подумала и дописала: «План по завоеванию мира». Но и этого ей показалось мало. Итоговая версия звучала так: «План по завоеванию мира и уничтожению предателей». Слишком авторитарно. Зато честно. Дальше пункты полились сами собой. Все-таки она психотерапевт, а они бывшими не бывают.

1. Найти любую работу.
2. Пресекать всяческие попытки Предателя выйти на связь.
3. Наладить общение с сыном и бывшим мужем.
4. Привести себя в порядок.
5. Следить за своим настроением и душевным состоянием.

Не позволять негативным эмоциям одерживать верх.

6. На время беременности обеспечить себе и будущему ребенку комфорт.

7. Убить Василия при встрече.

Последний пункт она стерла, потому что он шел в противоречие с пунктом номер пять.

Пальцы Веры начали замерзать. Она спрятала телефон и надела перчатку. Да и сидеть на холодной лавке было не очень приятно, к тому же вредно. Имея четкий план, но не зная, как подступиться к его исполнению, Вера направилась в сторону дома. Лицензии у нее теперь нет, в приличное место ее не возьмут. Даже если и получится, то через три-четыре месяца ее положение станет слишком очевидным.

Перебирая в уме возможности, а точнее их отсутствие, Вера столкнулась с женщиной в малахитового цвета пуховике, несшейся куда-то сломя голову.

— Извините, — бросила та в пустоту, остановившись и совершенно не видя ничего вокруг.

Вера уставилась на предмет, который женщина держала под мышкой.

— Это вы меня извините, но... откуда у вас эта трость? — спросила Вера.

— А? Это вы мне? Какая трость?

Вера показала на знакомую изящную тросточку, рукоятка которой была инструктирована перламутром.

— Это папина. А вам, собственно, какое дело?

— Я прошу прощения, а что с ним?

— Вы кто вообще?

— Да на самом деле никто, — сказала Вера и растерянно улыбнулась. — Ваш папа гулял здесь каждое утро, пока было тепло, и желал мне хорошего дня. Вот я и запереживала, куда он пропал.

— Ах-ха, да, мой отец и при смерти за кем-нибудь волочится, он такой! Вот бегу с работы, чтобы накормить его. Никак не могу найти сиделку — такие цены, что помереть дешевле.

— А сколько сейчас берут сиделки?

Женщина внимательно посмотрела на Веру.

— Пятьсот рублей в час. А мне надо минимум на пять часов в день.

— Давайте я помогу. Я готова за двести пятьдесят.

— А опыт у вас есть? Папа после инсульта.

— Опыта сиделки нет, но я бывший психотерапевт. Хотя бывшими мы не бываем... В общем, еще и психологическую помощь могу оказать.

— Все это очень странно, конечно... Ну давайте попробуем. Продиктуйте ваш телефон.

Вера назвала свой номер и пошла домой, довольная тем, что пункт номер один удалось выполнить сразу. Работа не по специальности, конечно, но на безрыбье и рак рыба.

* * *

Минус двадцать пять. Вот так — сходу, без обиняков. Вряд ли жителей Сибири можно удивить такой температурой, но все же. За много лет Вера так и не смогла привыкнуть к резко континентальному климату.

Господи, как тошнит. Выпитый на голодный желудок стакан воды уже оказался в унитазе. Про еду и думать не хотелось. Вернее, одна мысль о ней, особенно о сочном, лоснящемся куске свиного рулета, запеченного со специями в духовке, вызывала у Веры приступ тошноты. А ведь раньше это было любимое семейное блюдо. Миша по выходным часто его готовил на ужин.

Вера надела лыжный костюм, обмоталась метровым шерстяным шарфом в полоску и крепко завязала концы. Получилось как украшение африканских женщин в виде колец на шее, только на сибирский манер. Зима почти не оставляла шансов выглядеть привлекательно, что бы там ни кричала реклама норковых шуб и дурых пуховиков.

Дом, куда спешила Вера, располагался сразу за парком. Она уверенно позвонила в домофон и поднялась на второй этаж. Дарья, дочь импозантного мужчины, в спешке докрашивала губы в прихожей.

— Доброе утро, — сказала Вера.

— Здравствуйте! Раздевайтесь, вещи можно повесить сюда. — Дарья открыла шкаф. — Пойдемте, я вас познакомлю.

— Да мы вроде как знако... — Вера не договорила, оказавшись у входа в спальню, где в кровати сидел импозантный мужчина с белой салфеткой вокруг шеи (Вера ставила сразу сто баксов, что салфетка была идеально выстирана и выглажена), читал газету и ел яйцо всмятку миниатюрной серебряной ложечкой.

Он нехотя оторвался от утреннего чтения и поднял глаза на вошедших. Уголки его рта лукаво растянулись, а в глазах заиграл

насмешливый огонек. Он промокнул рот салфеткой, прихлебнул чай и нараспев сказал:

— Доброе утро, красивая женщина!

— Здравствуйте, — смущаясь, улыbnулась Вера.

— Папа, это твоя новая сиделка, Вера Павловна. А это наш пациент — Тимьян Аскольдович.

— Бесконечно счастлив! — Тимьян Аскольдович протянул Вере руку. Вера легонько ее пожала. — С такой сиделкой я готов болеть вечно!

— Все, я побежала, — заторопилась Дарья. — Будут вопросы — звоните. Хотя лучше писать, не всегда могу взять трубку.

Входная дверь хлопнула, и Вера Павловна вступила в новую должность.

— Вот так встреча! — Тимьян Аскольдович не производил впечатления лежачего больного, скорее он выглядел как аристократ, проснувшийся после обеда и не торопящийся покинуть постель. — Как вас угораздило?

— Набираюсь опыта. Для расширения кругозора.

Тимьян Аскольдович рассмеялся. Это не был смех старика, пережившего инсульт, это смеялся здоровый, крепкий мужчина, весело проводящий время в обществе привлекательной женщины.

— И чем мы сегодня займемся? — спросил он.

— А чего бы вам хотелось?

— Честно признаться — вернуться к работе.

Тимьян Аскольдович Мотовилов окончил Восточный институт во Владивостоке и стал выдающимся ученым-востоковедом. Знал более десяти языков, среди которых китайский, японский, хинди, тибетский, корейский, монгольский и маньчжурский. Много путешествовал и участвовал в археологических экспедициях в Тибет и Гималаи в качестве переводчика. Преподавал в родном институте китайский и монгольский языки, а потом был откомандирован в Харбин, где служил переводчиком в советском посольстве.

Личная жизнь Тимьяна Аскольдовича не сложилась. В институте он был слишком занят изучением языков, а на службе — работой. Поэтому он довольствовался краткосрочными связями в частых экспедициях. Благодаря одной такой он стал отцом «Монголо-русского словаря Т. А. Мотовилова» и единственной, как выяснилось в будущем, дочери.

О существовании последней он узнал далеко не сразу.

Тимьян Аскольдович вернулся из Харбина преподавать в родной институт, написал несколько научных работ, получивших высокую оценку, и защитил докторскую диссертацию, где рассуждал о роли Китая в современных геополитических процессах. А потом, не доработав до пенсии три года, тяжело заболел.

В этот момент Дарья, уже взрослая женщина, сама его нашла и передала ему письмо своей умершей к тому времени матери, где

та писала о любви к бывшему коллеге и соратнику по той давней экспедиции — высокому красавцу-востоковеду, «горячо увлеченному жизнью».

Тимьян Аскольдович обрадовался, но все же настоял на ДНК-тесте. Результаты подтвердили стопроцентное родство Дарьи Тимьяновны и Тимьяна Аскольдовича, и последний был перевезен дочерью из Владивостока в Сибирь.

— И чем мы сегодня займемся?

— А чего бы вам хотелось?

— Честно признаться — вернуться к работе. Вы знаете китайский?

— Нет, как-то не пришлось...

— Самое время узнать! Подайте-ка мою записную книжку из тумбочки.

— Тимьян Аскольдович, но это не входит в мои... — начала было Вера, но он так странно на нее посмотрел, что ее язык одеревенел и она смущенно замолчала.

Было в этом пожилом человеке что-то сугубо мужское, такая непреклонность, так что послушаться его не представлялось возможным. Вера достала блокнот и села возле кровати.

— Итак, приступим, — начал Тимьян Аскольдович, как будто вещал с кафедры в университете, а не лежал в клетчатой фланелевой пижаме в кровати. — Восток — дело тонкое. Избитая фраза, но сколько в ней смысла! Впрочем, как и в любой другой банальности. Начнем мы с фонетики. В китайском языке есть тоны. Тоны — это изменение высоты голоса на протяжении слова. Различают четыре тона плюс нулевой. Иными словами, если произносить одно и то же разными тонами, получатся разные слова, и запишутся они разными иероглифами.

И Тимьян Аскольдович продемонстрировал свое владение китайским языком. Вера хихикнула. Он так бойко и быстро говорил, корча по ходу своего монолога рожицы, что впервые за последний месяц у Веры стало тепло на душе, как будто китайские тоны обладали согревающим эффектом, вроде банного полка или взбитого пухового одеяла.

Незаметно наступил вечер. Когда нам особенно хорошо, время бежит, не давая никакого шанса остановить мгновение и осознать его. Лишь позднее, в заурядных буднях, в повседневных делах люди вспоминают эти легкие, летящие минуты, горько сокрушаясь, что те бессовестно канули в вечность.

Вера жила. Она бежала на работу, как на праздник. Это слегка пафосное, но такое теплое и уже давно присвоенное: «Доброе утро, красивая женщина!» — встречающее Веру каждый день, так и будет звучать у нее в ушах даже потом, на склоне лет. Но это потом. А сейчас — кто бы мог подумать! Сиделка при старике, изучающая китайский язык! Вера и не подозревала, что у нее возникнет к нему такая тяга. Нет, не к Тимьяну Аскольдовичу, а к Востоку! Хотя бывший профессор не уступал китайскому языку харизмой.

Как-то, почувствовав себя значительно лучше и будучи в состоянии самостоятельно передвигаться по квартире, он преподавал Вере мастер-класс по приготовлению китайских блюд.

— Пока жил в Харбине, иногда любил что-нибудь эдакое сварганить. Хотя знаете, Вера Павловна, китайцы предпочитают питаться вне дома — это гораздо экономнее и вкуснее.

И они вдвоем готовили дунбэйские блюда, характерные для северо-востока Китая: цецзы — жареные баклажаны с тушеным картофелем и зеленым перцем и гобаожоу — свинину в кляре и кисло-сладком соусе. А как-то раз подали к столу императорскую рыбу «Фу лун» с кедровыми орешками, — правда, вместо карпа Вера купила минтай, иначе они получили бы нагоняй от Дарьи Тимьяновны за перерасход средств.

Тимьян Аскольдович рассказывал, что жареный картофель можно попробовать в Китае далеко не везде. На кухне Харбина, отличающегося суровым климатом и холодными зимами, сказалось русское влияние, отсюда и свиные сосиски, и картофель, и черный хлеб. Помимо русских, на дунбэйскую кухню повлияли кочевые монголы, которые тушили мясо и овощи прямо в своих шлемах. Благодаря им по Китаю распространилась традиция готовить пищу на сильном огне, только вместо шлемов уже использовали котлы и кастрюли. От монголов же пришел обычай жарить мясо на углях.

Все это Тимьян Аскольдович рассказывал интересно и живо, то переходя на китайский, то снова на русский, чем приводил Веру в неопикуемый восторг.

Она сама не заметила, как дома перестала вечерами лить слезы. Теперь она сидела в ванне с блокнотом и тщательно вырисовывала иероглифы северо-восточного диалекта дунбэй-хуа, чрезвычайно распространенного в Китае.

Беременность ее протекала спокойно. Хорошо округлившийся живот уже не скрывали даже платья оверсайз, которыми Вера закупалась у какого-то неизвестного продавца на «Вайлдберриз». Что-то ей подсказывало, что он (продавец), тоже имеет отношение к китайскому языку.

Тимьян Аскольдович не подавал вида, что замечает беременность своей сиделки. Зато Дарья Тимьяновна однажды задержала Веру на лестнице и, гневно глянув в глаза, выпалила:

— Это отец?!

— Да вы что! Конечно, нет!

После этого Дарья не задавала лишних вопросов. А Тимьян Аскольдович, стоявший в это время за дверью, как-то весь съежился и стал похож уже не на импозантного профессора-востоковеда, а на обычного пенсионера, влачащего свою невеселую старость в одной из унылых девятиэтажек.

Впрочем, его отношение к Вере не изменилось, и они продолжали уроки. За эти восемь месяцев Вера осилила два учебных уровня, и Тимьян Аскольдович обещал найти для нее подработку, когда она родит и не сможет оказывать услуги сиделки. Вера поблагодарила

и сходу сказала, что хочет поступить на востоковедение и получить второе высшее образование. Тимьян Аскольдович просиял.

Тем временем за пределами квартиры Тимьяна Аскольдовича и Дарьи Тимьяновны шла своя жизнь. Подруги перестали общаться с Верой, верна ей была только Светка, которая, как связист, регулярно звонила и докладывала в трубку обстановку. Верин сын Саша появлялся не чаще, чем раз в две недели. Впервые увидев Верин живот, он презрительно кинул через плечо:

— Дура!

Вера хотела, по старой привычке, дать ему подзатыльник и сказать что-нибудь вроде: «Не смей так разговаривать с матерью!» Однако молча ушла и заперлась в ванной.

В следующий раз Саша приехал с большим пакетом провизии и угрюмо разложил все в холодильнике: овощи и фрукты — в отдельный контейнер для готовых продуктов, яйца и молоко — на полочки на двери, мясо — в морозилку.

И вот наконец Вера родила красивую, здоровую девочку и записала ее на свою фамилию. Вернее, на Мишину.

Едва ребенку исполнилось две недели, Вера завернула его в легкий конверт, благо на дворе стояло лето, и на такси отправилась к Тимьяну Аскольдовичу. Дверь открыла новая сиделка, тучная пожилая женщина. Она так тяжело дышала, что у Веры промелькнула мысль: непонятно, кто за кем ухаживает — сиделка за востоковедом или он за ней. Сначала эта особа не пожелала впустить нежданную гостью, но, услышав из спальни раскатистый мат на китайском (судя по интонациям), отступила, лишь махнула рукой со словами:

— Дурдом, да и только!

— Доброе утро, красивая женщина! — поприветствовал Веру Тимьян Аскольдович. — Можно? — Он робко указал на конверт, в котором сладко сопела новорожденная, засунув большой палец в рот.

— Конечно, Тимьян Аскольдович!

Профессор приподнял уголок конверта и твердо сказал:

— На вас похожа, Вера Павловна! Удивительной красоты женщина!

Вера обняла его, чтобы он не увидел, как предательски подрагивает у нее нижняя губа и глаза наполняются радостной влагой.

— Моя новая сиделка не хочет заниматься китайским. Да что уж, она и по-русски едва говорит! Хоть на стенку лезь... А я тут в институт звонил. Пойдете на заочное?

— В Восточный?

— Ну зачем же так далеко? В наш Сибирский.

— А как же экзамены?

— Сдадите.

— Но я не готова!

— Готовы. Китайский, история и русский. Сначала можно учиться здесь, а через год подадите на грант и переведетесь в Китай. Или на стажировку съездите. Перспективы весьма любопытные.

— Тимьян Аскольдович, я не уверена, что смогу. Китайцы, может, и поймут, что я говорю по-китайски, но точно не поймут о чем. Да и Соня совсем кроха... И помочь некому...

— Не драматизируйте. Езжайте домой, я пришлю вам тесты с экзаменов прошлых лет. Цзайцзиень! — весело сказал профессор, что на китайском означало «до свидания».

Дальше все завертелось-закрутилось. Вера поступила легко, как будто играючи. Занятая ребенком круглые сутки, она больших надежд не питала, и поволноваться ей было некогда. Профессор из Китая, присутствовавший на вступительных экзаменах, сразу предложил ей принять участие в конкурсе на грант, чтобы в следующем учебном году попасть на стажировку в Пекин. Вера согласилась: как раз будет время на подготовку, да и Сонечка подрастет и составит ей компанию.

Отношения с Мишей стали налаживаться, он уже появлялся у Веры в доме, привозил Сашу «погостить». Встречи с Сашей теперь были не раз в две недели, а каждые выходные. Старший брат даже возился с Соней, чем очень облегчал Верин быт. Так незаметно Вера выполнила пункт три, наспех написанный тогда, в ноябре, на лавочке: «Наладить общение с сыном и бывшим мужем». Получалось, что все цели выполнены.

За исключением одной: «Пресекать всяческие попытки Предателя выйти на связь». К счастью (а может быть, и к сожалению), пресекать было нечего. Василий канул в Лету и вестей о себе не подавал. Пока однажды днем не подошел к Вере в парке, где она гуляла с коляской.

Что это была за встреча! Верино лицо окаменело и приняло надменное выражение. Она гордо прошагала мимо, на ходу бросив ему, что он сделал ей лучший подарок в жизни, даже два — Сонечку и Восток. И поникший Василий поехал к своей некрасивой, помятой жизнью Галине — страдать от неразделенной любви...

Нет, ничего этого не было.

Василий мялся с ноги на ногу, нервно покуривал свой «Парламент» и виновато глядел на Веру. А у нее пропал дар речи, она забыла все колкие, уничтожающие выражения, да и Сонечка, почувствовав беспокойство матери, вдруг завозилась в коляске.

— Я это... приехал попрощаться... Ну не совсем попрощаться, конечно. Бог даст — свидимся, — таинственно начал Василий.

— На Бали летишь? — спросила Вера.

— На Донбасс еду.

Повисла пауза. Василий? Серьезно?! Этот человек, для которого Родина там, где кормят?

— Денег, что ли, нет? — выпалила Вера первое, что пришло на ум.

— Почему сразу денег? Думаешь, я принципов никаких не имею? Еду наших, русских защищать.

— Желаю удачи, — сказала Вера, вовремя отстранившись от поцелуя. Это она умела мастерски.

* * *

Прошел год. Вера окончила первый курс и получила грант. Ее ждал Пекин. Миша обещал позаботиться о Саше. Да и вообще, в последнее время он все чаще стал появляться у Веры в квартире. Один раз даже на ночь остался. В зале. Вера его прикрыла пледом, когда уснул, — не чужие ведь люди.

Накануне отъезда Миша заехал за ней. Они долго ехали, пока не оказались на кладбище под сенью высоких старых деревьев.

— Я подожду с Соней здесь, — сказал Миша и остался возле машины.

А Вера пошла дальше, держа впереди себя, словно щит, букет искусственных цветов — они дольше стоят. Вокруг было пустынно. Никого нового поблизости в последний путь не провожали, и похороненных раньше тоже сегодня никто не навещал. Вера подошла к темной металлической оградке. Провела рукой по деревянной скамейке, смахнув опавшие хвойные иголки от сосны, росшей неподалеку. Заботливо расставила цветы на могиле — последнем пристанище Тимьяна Аскольдовича Мотовилова. Он умер от второго инсульта еще зимой. Не выдержал новой сиделки, а может быть, просто устал жить.

Вера погладила рукой скромную табличку с именем и датами жизни и смерти и прошептала:

— Спасибо.

